

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии

А.С. Бушуева

Аннотация. После Исламской революции 1979 г. Иран не изменил свою политику по отношению к Японии, которая не только воспринималась в отрыве от Запада, но и была для него крупным сырьевым покупателем и потенциальным экономическим донором. В свою очередь, Японии приходилось проводить в отношении Ирана политику неустойчивого балансирования, координируя свою ближневосточную политику со своим стратегическим союзником Соединёнными Штатами и одновременно пытаясь сохранить тесные связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. В статье показано, каким образом Япония пыталась лавировать между этими двумя странами: она предпринимала шаги по реализации крупных экономических проектов в энергетическом секторе Ирана, ограничению санкций, которые были с её стороны минимальными и т.д., и одновременно участвовала в антииранской кампании стран Запада, проводившейся под давлением со стороны США или под влиянием крупных потрясений в регионе (например, ирано-иракской войны). С описанной выше «ближневосточной дилеммой» Япония продолжает сталкиваться и на современном этапе. Отчасти её могло бы разрешить подписание Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе в 2015 г., если бы два года спустя при администрации президента США Д. Трампа не произошло значительное ухудшение американо-иранских отношений. Впрочем, в этот период Япония успешно опробовала свой посреднический потенциал, воспользовавшись хорошими отношениями с обеими сторонами конфликта: с одной стороны, она отказалась участвовать в операции США в Ормузском проливе, с другой – поставила на паузу разморозку иранских средств в своих банках, заблокированных после введения санкций администрацией президента США Д. Трампа. Фактором риска для ближневосточной политики Японии стала в последнее время активизация в регионе Китая, который стремится воспользоваться ослаблением позиций США и занять образовавшийся вакуум, о чём свидетельствует подписание в марте 2021 г. соглашения о всеобъемлющем партнёрстве между Пекином и Тегераном. Это подталкивает Японию к целенаправленному укреплению своих позиций в Иране и расширению там своего присутствия. Как представляется, подходы Японии к решению «ближневосточной дилеммы» заслуживают особого внимания и в дальнейшем.

Ключевые слова: японо-иранские отношения, «ближневосточная дилемма», внешняя политика Японии, ирано-иракская война, японо-американский альянс.

Автор: Бушуева Анна Сергеевна, аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76). E-mail: bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 6–19. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan

A.S. Bushueva

Abstract. After the 1979 Islamic Revolution, Iran did not change its policy towards Japan, which was not only perceived separately from the West, but was also a major customer of its raw resources and a potential economic donor. In turn, Japan had to pursue the policy of unstable balancing towards Iran, by coordinating its Middle Eastern policy with its strategic ally, the United States, and simultaneously trying to preserve close ties with Iran, which were important from the point of view of maintaining energy security. The article shows how Japan tried to maneuver between these two countries: it took steps to realize large-scale economic projects in Iran's energy sector, to limit sanctions, which were minimal on its side, etc., and simultaneously participated in the anti-Iran campaign pursued by Western countries under the pressure of the US, or under the influence of major crises in the region (for example, the Iran-Iraq War). Japan continues to face this "Middle Eastern dilemma" in present times as well. It could partly have been solved by the signing of the Joint Comprehensive Plan of Action on the Iranian nuclear program in 2015, were it not for the fact that, two years later, under the US administration of Donald Trump, the US-Iran relations worsened significantly. Nevertheless, in this period, Japan successfully tried its mediatory potential, making use of its good relations with both parties of the conflict: on the one hand, it refused to participate in the US operation in the Strait of Hormuz, on the other, it halted the unfreezing of Iran's funds in its banks, which had been blocked after the introduction of sanctions by the US administration of Donald Trump. Recently, the activation of China in the region has become a factor of risk for Japan's Middle Eastern policy, as China tries to use the weakening positions of the US and to occupy the vacuum that was left in its wake, which is illustrated by the signing of the Comprehensive Strategic Partnership agreement between Beijing and Tehran in March 2021. This forces Japan to deliberately strengthen its positions and expand its presence in Iran. It appears that Japan's approaches to solving the "Middle Eastern dilemma" deserve special attention in the future as well.

Keywords: Japan-Iran relations, Middle Eastern dilemma, Japan's foreign policy, Iran-Iraq war, Japan-U.S. alliance.

Author: Bushueva Anna S., postgraduate student, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Bushueva A.S. (2022). Yaponi-iranskiye otnosheniya v poslevoyenny period: «blizhnevostochnaya dilemma» dlya Yaponii [Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 6–19. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Введение

Отношения между Ираном и Японией в XX в. ограничивались в основном поставкой энергоресурсов и некоторыми инвестиционными проектами в нефтеперерабатывающей отрасли. Экономическая заинтересованность друг в друге позволяла странам сохранять тёплые политические отношения. При этом в Иране в послевоенный период сохранялся в целом позитивный образ Японии как страны, у которой не было «империалистического»

опыта на Ближнем Востоке. Этот образ оставался неизменным даже несмотря на то, что к началу 1980-х гг. Япония стала, по выражению тогдашнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ, «непотопляемым авианосцем» Соединённых Штатов, а в ирано-американских отношениях после Исламской революции 1979 г. сохранялась постоянная напряжённость. Свою роль играло и то, что после Второй мировой войны Япония заявила о себе как о пацифистском государстве, которое было готово оказывать экономическую помощь другим странам, не выдвигая при этом никаких политических условий. В свою очередь, для Японии роль и место Ирана в её внешнеполитических приоритетах определялись его значением как важнейшего партнёра в рамках стратегии обеспечения энергетической безопасности, с учётом наличия там четвёртых по величине в мире запасов нефти и вторых по величине запасов природного газа. Даже обострение ирано-американских противоречий после Исламской революции не смогло оказать существенного влияния на определяемую этим значением качественную сторону японо-иранских отношений.

Однако после Исламской революции японо-иранские отношения неоднократно проходили испытание на прочность: помимо объективной турбулентности в регионе (связанной, в частности, с ирано-иракской войной 1980–1988 гг.), тормозящим фактором выступала необходимость для Японии балансировать между собственными экономическими интересами и интересами безопасности, обусловленными союзом с США. Тем не менее, развитие японо-иранских отношений в послевоенный период показывает, что Япония не стремилась сделать однозначный выбор, предпочитая разрешать «ближневосточную дилемму» путём уравнивания стратегических связей с Вашингтоном и энергетических с Тегераном.

Эту ситуацию демонстрируют усилия Японии с целью не допустить чрезмерного санкционного давления на Иран в ходе ядерного кризиса в 2006 г., а также попытки Токио «помирить» ИРИ и США после очередной эскалации в 2018 г. По объективным причинам Японии в обоих случаях не удалось выполнить эту историческую миссию, однако во втором случае визит премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Тегеран для встречи с иранским лидером Хасаном Роухани в 2019 г. стал важным шагом на пути к развитию японо-иранских отношений, способствовавшим цели достижения мира и стабильности в регионе Персидского залива.

В отечественной и зарубежной литературе ирано-японские отношения косвенно освещены через призму японо-американских отношений [Yoshitsu 1981], в рамках работ по энергетической дипломатии Японии [Богатуров 1988; Арутюнян 2008; Enayat 1994; Takahashi 2005] и по ближневосточной политике Японии [Miyagi 2008], а также исследований по современным японо-иранским отношениям [Nukii 2015; Добринская 2021].

Целью данной статьи является анализ японо-иранских отношений в послевоенный период через призму «ближневосточной дилеммы», заключающейся в том, что Япония была вынуждена балансировать свои связи со своим стратегическим союзником Соединёнными Штатами и связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. Статья разделена на два хронологических блока: первый касается периода с 1951 по 2012 гг., когда Япония, обретя внешнеполитическую субъектность, формировала и развивала свою ближневосточную политику в процессе осмысления собственных национальных интересов, второй охватывает последний период, начавшийся с возвращением в 2012 г. к власти кабинетов Абэ Синдзо, провозгласившего новую ближневосточную

политику. Исследовательский вопрос можно поставить следующим образом: как Япония решала проблему «ближневосточной дилеммы» в своих отношениях с Ираном на разных этапах исторического развития?

Формирование вектора развития японо-иранских отношений в послевоенный период

После подписания Сан-Францисского договора в 1951 г. Япония приступила к восстановлению своих утраченных в результате поражения в войне международно-политических позиций в рамках нового политического курса, направленного на реабилитацию международного имиджа и развитие внешнеэкономической деятельности. В то время как восстановление экономических и тем более дипломатических отношений со странами Юго-Восточной и Восточной Азии проходило нелегко, учитывая груз исторических проблем, связанных с милитаристской политикой Японии в регионе, с Ближним Востоком трудностей возникало существенно меньше.

Иран и Японию связывает долгая история. Впервые иранцы и японо-персидский обмен упоминались в хронике «Анналы Японии» (Нихон Сёки) 720 г. Кроме этого, по мнению некоторых учёных, влияние Персии прослеживается в памятниках японской культуры эпохи Нара (710–794). Отношения стремительно развивались после реставрации Мэйдзи, а в 1929 г. между странами были установлены дипломатические отношения, и в 1955 г. открылось посольство в Тегеране [Добринская 2021, с. 30–31].

По мере экономических успехов у Японии появлялись и необходимые ресурсы для оказания помощи экономическим программам ближневосточных стран, только вступившим на путь самостоятельного развития. Япония представлялась им идеальным партнёром – политически ненавязчивым, непротиворечивым и к тому же не имевшим ранее своих колоний на Ближнем Востоке, что выгодно отличало её от большинства стран Запада.

В послевоенный период связи Японии с Ираном с самого начала развивались преимущественно в экономической сфере. В двусторонней торговле ключевой позицией была нефть, которая составляла 98,2 % иранского экспорта в Японию. В 1958 г. Японию посетил иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви, а в октябре 1960 г. Тегеран посетила супруга японского императора¹. В это же время по инициативе иранской стороны между двумя странами обсуждалась разработка японскими компаниями нефтяных месторождений. В 1969 г. Токио посетил министр иностранных дел Ирана Ардешир Захеи, который заявил на встрече с премьер-министром Японии Сато Эйсаку (1964–1972), что сам «Шахиншах хотел, чтобы Япония занялась разработкой [иранских] месторождений» [Abdoly Keivan 2017–2018, p. 153].

Два года спустя было достигнуто соглашение о разработке японским консорциумом компаний нефтяного месторождения в провинции Лорестан. Однако проект оказался неудачным, за ним последовал другой крупный совместный проект по строительству нефтехимического завода (IJPC) под руководством Национальной иранской нефтяной

¹ イラン・イスラム共和国。基礎データ [Исламская республика Иран. Основные данные] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/iran/data.html> (дата обращения: 01.07.2021).

компания (NIOC) и Мицуи. К 1978 г., когда внутри Ирана стала нарастать политическая напряжённость, строительство было завершено на 85 %.

Справедливым будет отметить, что благодаря энергетической дипломатии Токио у двух стран появился шанс выстроить прочные экономические, а в перспективе – и политические отношения. Однако возможность эта была упущена ввиду недостаточной осведомлённости иранской стороны об особенностях японской экономики, структуре мирового энергетического рынка, а также международной ситуации [Abdoly Keivan 2017–2018, p. 155]. Кроме того, перспективный проект ИРС оказался под угрозой на фоне резко изменившейся внутривнутриполитической ситуации в самом Иране.

Внутриполитическая нестабильность в Иране накануне Исламской революции затронула важнейший для иранской экономики нефтяной сектор, на предприятиях начались массовые забастовки. В связи с этим премьер-министр Японии Фукуда Такэо (1976–1978) посетил в сентябре 1978 г. Тегеран с официальным визитом, в ходе которого стороны выразили удовлетворение нынешним состоянием отношений и высказали намерение развивать энергетическое сотрудничество, в том числе и по проекту ИРС – символу двусторонних отношений. Однако вскоре и рабочие комплекса присоединились к антишахским выступлениям.

После провозглашения 1 апреля 1979 г. Исламской республики Иран и установления там откровенно антизападного режима новое правительство в Тегеране стремилось сохранить наметившуюся при шахе позитивную динамику в двусторонних отношениях с Японией, которая, как отмечалось выше, не ассоциировалась в его глазах с Западом. Правительство Японии в свою очередь считало для себя рациональным укреплять отношения уже с новым режимом ввиду того, что возвращение Исламской Республики к монархии казалось маловероятным². В Токио оставались опасения по поводу дальнейшей судьбы проекта ИРС, ради которого страну в своё время посетило 4 тыс. японских чиновников. Однако под процедуру национализации попали все зарубежные предприятия, но не японский проект ИРС [Enayat 1994, p. 370–378]. Уже 5 марта 1979 г. ИРИ осуществила первые поставки нефти в Японию.

Работа над комплексом вскоре возобновилась, однако в ноябре 1979 г. произошёл инцидент с захватом американских заложников в посольстве в Тегеране. Эта ситуация до предела обострила уже сложившуюся «ближневосточную дилемму» для Японии, состоявшую в выборе между своим ключевым союзником и стратегически важным партнёром³. Стоит отметить, что Япония продолжала импортировать иранскую нефть даже несмотря на введение Соединёнными Штатами эмбарго в связи с захватом американского посольства в Тегеране (в 1979 г. импорт из Ирана составлял 15 % от общего объёма поставок в Японию) [Togo 2005, p. 302]. В мае 1980 г., после шести месяцев сложных переговоров с США, Япония была вынуждена ввести экономические санкции против Ирана, хоть и минимальные – на кону была судьба нефтекомплекса ИРС. Впрочем, начавшаяся в августе

² 第2章イラン革命、在テヘラン米国大使館人質事件、イラン・イラク戦争 [Глава 2: Революция в Иране, кризис с заложниками в посольстве США в Тегеране и ирано-иракская война] // Японский институт международных отношений (JIА). 2006 г. https://www2.jia.or.jp/pdf/resarch/h17_afghanistan/h17_afghanistan04_Chapter2.pdf (дата обращения: 02.07.2021).

³ Географическое положение Ирана, а также место ИРИ в японском импорте энергоресурсов и инвестиционном экспорте позволяло для Японии определить эту страну как своего стратегически важного партнёра.

того же года ирано-иракская война окончательно подвела черту под проектом: место расположения нефтехимического комплекса находилось лишь в 100 км от границы с Ираком [Enayat 1994, p. 380]. Во время войны многие объекты комплекса, а также имущество использовались в военных целях. К тому же в результате атак иракской авиации один из участков ИРС был повреждён – в глазах японских партнёров проект постепенно утрачивал свою экономическую целесообразность. Тем не менее, надежды возобновить его оставались ещё долгое время – официальное закрытие проекта состоялось только в 1990 г. [Enayat 1994, p. 392].

Ввиду обострения ситуации в Ормузском проливе и Персидском заливе Япония не могла оставаться в стороне от конфликта между Ираком и Ираном, ведь от ситуации в этом регионе зависела безопасность и бесперебойность поставок нефти в страну. С целью защиты свободы навигации постоянный представитель Японии в ООН Курода Мидзуо в мае 1984 г. выступил в Совете Безопасности с призывом не допустить дальнейшей эскалации конфликта и уважать право стран на безопасный проход судов, обращённым как к Ираку и Ирану, так и ко всем другим государствам⁴. В том же месяце премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро (1982–1987) выступил с требованием прекратить экспорт оружия в Ирак и Иран. Однако Токио не был услышан и в итоге предпринял в сентябре 1984 г. самостоятельные шаги по урегулированию конфликта путём проведения двусторонних переговоров с его участниками. Предложение помощи в послевоенном восстановлении в обмен на прекращение военных действий не было принято ни Багдадом, ни Тегераном. Не помогли и дружественные отношения, которые Токио удалось выстроить с обеими странами ещё до войны [Акаха 1986, p. 260].

В начале 1990-х гг. японо-иранские отношения ограничивались лишь оказанием Японией финансовых мер по послевоенному восстановлению Ирана по линии Официальной помощи развитию (далее ОПР). В ответ на стремительно растущий спрос на электроэнергию в Иране Токио в 1994 г. предоставил Тегерану по линии ОПР первый кредит на строительство гидроэлектростанции Месджеде-Сoleyман на реке Карун в провинции Хузестан⁵.

После избрания в 1997 г. президента Мохаммада Хатами⁶, умеренного реформатора, Токио начал стремиться к сближению с Тегераном. Между тем 28 сентября 1999 г. министр нефти ИРИ объявил об обнаружении крупного нефтяного месторождения Азадежан на юго-западе страны.

Стремление Японии к налаживанию отношений с Тегераном символизировал визит министра иностранных дел Японии Комура Масахико в Иран в августе 1999 г., за которым последовало возобновление иенных займов. В последующие месяцы и годы японо-иранские отношения развивались в ускоренном темпе. Упустив концессию на разработку нефтяного

⁴ Япония была на первом месте по объёму перевозки минеральных ресурсов морским транспортом (18,6 %) [Богатуров 1988, с. 10].

⁵ Assisting Hydroelectric Power Project in Iran. Signing of an ODA Loan Agreement // Japan International Cooperation Agency (JICA). October 16, 2020. https://www2.jica.go.jp/yen_loan/pdf/en/4931/20001026.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

⁶ Хатами выступал с позиций «либерального мусульманина»: он подхватил концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона и выдвинул свою парадигму межкультурного диалога, основанную на мирном сосуществовании и равенстве народов и государств. Его призыв к примирению был расценён на Западе как сигнал к началу новых отношений. См.: Кулагин И.В. Диалог цивилизаций в Иране: Мохаммад Хатами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 1. С. 134.

месторождения в Саудовской Аравии, Министерство внешней торговли и промышленности Японии стало рассматривать Иран как подходящую альтернативу. В ноябре 2000 г. с официальным визитом Токио посетил президент ИРИ М. Хатами, который заявил, что Тегеран готов отдать в распоряжение Токио нефтяное месторождение Азадежан недалеко от границы с Ираком⁷. После переговоров между главой МВТП Хиранума Такэо и министром нефти Ирана Бижаном Зангане к проекту присоединилась Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам (JOGMEC). В 2001 г. Т. Хиранума посетил Тегеран в составе делегации из представителей японских бизнес-кругов, заинтересованных в продвижении на иранский рынок. В конце того же года обе стороны, удовлетворённые таким стремительным расширением сотрудничества, подписали финальное соглашение по нефтяному месторождению Азадежан [Penn 2005, p. 1–3]. Предполагаемое обнаружение тайных ядерных объектов в Иране в 2002 г. и обострение в том же году северокорейского ядерного вопроса заставляли Японию сомневаться в выборе собственного вектора ближневосточной политики – перед ней гораздо более остро встал вопрос обеспечения военной безопасности. В 2005 г. президентом страны стал консерватор Махмуд Ахмадинежад (2005–2013), чья антиамериканская позиция и давление со стороны США вынудили Японию сократить к 2012 г. импорт иранской нефти на 40 %.

В 2006 г. в ходе нового витка кризиса вокруг иранской ядерной программы Япония как страна-председатель Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) попыталась способствовать его урегулированию. С одной стороны, Токио предпринял шаги, чтобы убедить Тегеран отказаться от ядерных исследований, с другой – попытался выступить против введения антииранских санкций в Совете безопасности ООН⁸. В итоге Япония была вынуждена по собственной воле выйти из соглашения по Азадежану [Penn 2005, p. 10–11].

Несмотря на политическую слабость и переменчивость японо-иранских отношений, страны регулярно оказывали друг другу помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий. В 2003 г. Япония отправила Команду помощи пострадавшим от стихийных бедствий в иранский город Бам, который пережил землетрясение, унёсшее жизни 35 тыс. человек. Кроме того, Япония предоставила помощь в размере 320 тыс. долл. США на предметы первой необходимости (палатки, одеяла, электрогенераторы и др.). Также Японское агентство международного сотрудничества помогло восстановить поставки питьевой воды жителям Бама и Бравата. В 2006 г. иранскую провинцию Лорестан поразила серия землетрясений, в результате которой были разрушены 330 деревень и 15 тыс. домов. По просьбе иранского правительства Япония выделила 85 тыс. долл. США на экстренную помощь пострадавшим⁹. В 2011 г. Япония сама столкнулась с девятибалльным землетрясением, в ликвидации последствий которого Иран оказал ей посильную помощь. В следующем 2012 г. Япония также не осталась в стороне от сейсмической катастрофы с

⁷ Азадежан является самым крупным месторождением из открытых за последние 30 лет на территории не только Ирана, но и других стран Ближнего и Среднего Востока.

⁸ Japan intends to mediate Iran nuclear crisis settlement // Tehran Times. January 16, 2006. <https://www.tehrantimes.com/print/110063/Japan-intends-to-mediate-Iran-nuclear-crisis-settlement> (дата обращения: 03.07.2021).

⁹ Activities in Iran. Emergency Disaster Relief // Japan International Cooperation Agency (JICA). <https://www.jica.go.jp/iran/english/activities/activity06.html> (дата обращения: 17.08.2021).

эпицентром на северо-западе Азербайджана, оказав гуманитарную и материальную помощь ИРИ объёмом 18 млн иен (около 225 тыс. долл. США)¹⁰.

Таким образом, у Японии и Ирана был огромный задел на установление прочного партнёрства, однако его реализацию затруднили нестабильная ситуация в регионе в связи с ирано-иракской войной, разгоравшиеся один за другим кризисы, связанные с ядерной программой Ирана, а также сложные ирано-американские отношения, которые приводили к давлению на Японию со стороны США по иранскому вопросу.

Современное состояние и перспективы развития японо-иранских отношений (2015–2021 гг.)

В 2015 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо провозгласил новую политику на Ближнем Востоке. Она была обозначена в его выступлении 18 января 2015 г. под названием 中庸が最善：活力に満ち安定した中東へ *тё:ё: га сайдзэн : кацурёку ни митита антэй сита тё:то: э* («На пути к “золотой середине” – к динамичному и стабильному Ближнему Востоку») в ходе визита японского премьера в Египет¹¹. Прежде всего, новый курс подразумевал многопрофильность отношений со странами региона, т.е. их выход за рамки исключительно экономической повестки и более глубокое вовлечение Японии в дела этих стран на всех уровнях, особенно в области политики и безопасности.

Новый курс Токио практически совпал по времени с подписанием Ираном Совместного всеобъемлющего плана действий (далее СВПД) относительно его ядерной программы, в соответствии с которым ИРИ согласилась на ограничения по ядерной программе в обмен на ослабление экономических санкций. Это открыло для Японии и японского бизнеса возможность развивать с ИРИ полноценные отношения. В связи с этим в октябре 2015 г. Тегеран посетил министр иностранных дел Японии Кисида Фумио. На встрече с иранским коллегой Мохаммадом Джавадом Зарифом была подчёркнута необходимость расширения взаимодействия на разных направлениях и выдвинута идея создания Японо-иранского совета по сотрудничеству¹² в дополнение к проходившему одиннадцатый год подряд Японо-иранскому диалогу по правам человека, направленному на обеспечение сотрудничества обеих стран в международных правозащитных организациях.

В феврале 2016 г. было подписано японо-иранское двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере инвестиций, направленное на прекращение дискриминационных практик в отношении национальных компаний, осуществляющих деятельность в стране-партнёре. Японские компании высоко оценили этот шаг, призванный помочь им вернуться на иранский рынок для реализации крупных проектов. Однако в то же время им приходилось

¹⁰ イラン北西部における地震被害に対する緊急援助（供与物資の決定） [Чрезвычайная помощь в связи с ущербом от землетрясения на северо-западе Ирана (решение о поставках)] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 20 августа 2012 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/24/8/0820_01.html (дата обращения: 06.07.2021).

¹¹ Japan-Egypt Relations. Speech by Prime Minister Abe “The Best Way Is to Go in the Middle” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. January 18, 2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me1/eg/page24_000392.html (дата обращения: 10.04.2021).

¹² 日イラン外相会談及びワーキング・ランチ [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана, рабочий ланч] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 октября 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page4_001453.html (дата обращения: 11.07.2021).

соблюдать оставшиеся санкционные ограничения в отношении Ирана¹³ – в противном случае они могли быть оштрафованы американскими регуляторами. Уже был прецедент, когда японский банк MUFG в 2012 г. был вынужден выплатить Министерству финансов США штраф в размере 8,6 млн долл. США за продолжение сотрудничества с ИРИ в обход санкций. Таким образом, необходимость проявлять осторожность в вопросах сотрудничества с Ираном создавала для японского бизнеса психологические препятствия, связанные с осознанием реальной угрозы финансовых потерь [Nukii 2018, p. 216–218].

В контексте СВПД между Токио и Тегераном было запущено сотрудничество в области ядерной энергетики. Япония, обладавшая необходимым научно-техническим потенциалом в сфере ядерной энергетики и получившая опыт ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., пообещала Ирану предоставить специалистов в сфере ядерной безопасности для поддержки страны в выполнении условий ядерной сделки [Nukii 2018, p. 221–222].

Для Японии, кроме того, большую роль играла связь между иранской и северокорейской ядерной проблемой. В США были обнародованы данные о том, что со времён ирано-иракской войны 1980-х гг. Иран сотрудничал с КНДР в области разработок баллистических ракет и что Иран, возможно, был одним из покупателей северокорейских технологий и даже первым реципиентом ракет средней дальности КНДР «Нодон-1» (северокорейское название – «Хвасон-7»)¹⁴. В 2006 г. Верховный главнокомандующий Корпуса стражей исламской революции впервые публично признал покупку северокорейских ракет в 1980-х гг. и заявил, что ИРИ больше не нуждается в помощи северокорейцев¹⁵. На встрече глав МИД Японии и Ирана в Нью-Йорке в апреле 2015 г. японский министр иностранных дел Ф. Кисида призвал своего иранского коллегу М.Д. Зарифа прекратить военное сотрудничество с КНДР¹⁶.

В 2018 г. президент США Дональд Трамп принял решение о выходе страны из ядерной сделки, полагая, что Иран не выполняет свои обязательства по СВПД. Отношения между двумя странами начали стремительно ухудшаться, а в январе 2020 г. американской ракетой в Багдаде был убит иранский генерал Касем Сулеймани¹⁷.

В 2019 г. премьер-министр Японии С. Абэ с целью недопущения эскалации ситуации в Персидском заливе выступил с инициативой о посредничестве в американо-иранском конфликте вокруг предполагаемых нарушений Тегераном положений СВПД. После переговоров с президентом США Д. Трампом, прошедших в Токио 25 мая 2019 г., премьер-министр Абэ впервые за 41 год нанёс 12–14 июня 2019 г. визит в Тегеран, где встретился с

¹³ Iran Sanctions // Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS20871.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

¹⁴ Iran's Ballistic Missile and Space Launch Programs // Congressional Research Service. December 6, 2012. P. 46. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R42849.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁵ Iran-North Korea-Syria Ballistic Missile and Nuclear Cooperation // Congressional Research Service Report. 2016. February 16. P. 4. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R43480.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ 日・イラン外相会談 [Встреча глав МИД Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 28 июля 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page24_000436.html (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁷ Why U.S.-Iran Tensions Are Rising as Trump's Term Ends // The Washington Post. January 12, 2020. https://www.washingtonpost.com/business/energy/why-us-iran-tensions-are-rising-as-trumps-term-ends/2021/01/11/d0e662ca-5434-11eb-acc5-92d2819a1ccb_story.html (дата обращения: 11.04.2021).

президентом страны Хасаном Роухани¹⁸. Базовая позиция Японии состояла в следующих пунктах: 1) мир и стабильность на Ближнем Востоке необходимы для мира и процветания во всём мире, военный конфликт никому не выгоден; 2) Япония призывает Иран предпринять конструктивные шаги для снижения напряжённости в регионе; 3) Япония придерживается достигнутого в 2015 г. соглашения и призывает Иран не отказываться от соблюдения его условий.

В свою очередь, с иранской стороны были озвучены следующие моменты позиции Тегерана: 1) главная причина роста напряжённости в регионе – это «экономическая война, которую ведут Соединённые Штаты против иранского народа»; 2) Иран не станет первым развязывать войну, но в случае подобной эскалации будет действовать решительно; 3) ИРИ требует отмены экономических санкций и снятия эмбарго на иранскую нефть; 4) Иран не намерен производить, иметь или использовать ядерное оружие¹⁹.

По итогам встречи премьер-министр Японии дал высокую оценку стремлению иранского лидера к обеспечению мира и стабильности²⁰. Вероятно, главным намерением С. Абэ было убедиться в том, что Иран «не хочет войны», и донести этот посыл Соединённым Штатам, а также показать то значение, которое Япония придаёт двусторонним отношениям с Ираном. Миссию мог ждать успех, если бы не инцидент, произошедший 13 июня, во время визита С. Абэ в Иран. На двух проходивших через Ормузский пролив нефтяных танкерах, один из которых был арендован японской транспортной компанией Кокука Сангё, произошли взрывы. Японская сторона настаивала на попадании двух снарядов в судно, хотя версии других стран указывали на торпедную атаку²¹. В нападении США обвинили Иран.

С учётом инцидента с танкером кабинет министров Японии в качестве необходимой меры для обеспечения безопасности судов, имеющих прямое или косвенное отношение к Японии²², принял решение об отправке в зону Оманского залива миссии Сил самообороны Японии, состоящей из ракетного эсминца и двух патрульных самолётов для сбора разведывательных данных. Зона патрулирования японских военнослужащих включала Оманский залив, северную часть Аравийского моря и Аденский залив к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива (включая ИЭЗ прибрежных государств). Примечательно, что Япония организовала свою операцию, отказавшись от предложения США присоединиться к операции коалиционных сил в Ормузском проливе и Персидском заливе. По информации,

¹⁸ 安倍総理大臣のイラン訪問 [Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Иран] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 июня 2019 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page3_002775.html (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁹ 「安倍首相 イラン訪問の成果」 (時論公論) [Визит премьер-министра Абэ в Иран: итоги. (Дискуссия и разбор актуальной повестки)] // NHK. 14 июня 2019 г. <https://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/369643.html> (дата обращения: 12.07.2021).

²⁰ 首相、イラン最高指導者と会談 「核兵器使用意図ない」 [«Нет намерения применять ядерное оружие». Премьер-министр Японии встретился с Верховным лидером Ирана] // Асахи Симбун. 13 июня 2019 г. <https://www.asahi.com/articles/ASM6F5K0WM6FULFA02J.html> (дата обращения: 12.07.2021).

²¹ 国華産業社長「船員が飛来物目撃」 ホルムズ海峡砲撃「魚雷考えられぬ」 [Глава Кокука Сангё: «моряки стали свидетелями атаки с воздуха», «нелегально», что для атаки на танкеры в Ормузском проливе использовались торпеды] // Санкэй Симбун. 14 июня 2019 г. <https://www.sankei.com/article/20190614-TWDPSMTAZNJLDENJP3MVBVBNF4M/> (дата обращения: 12.07.2021).

²² Имеются в виду японские суда под национальными флагами; суда под иностранными флагами и с японскими гражданами на борту; суда под иностранными флагами и с японским грузом на борту и т.д.

размещённой на сайте Министерства обороны Японии, у этого были свои причины: 1) судоходство японских судов в акватории Ормузского пролива и Персидского залива проходит в территориальных водах прибрежных государств (Оман, Иран), и за их безопасность должны отвечать соответствующие государства; 2) сбор разведанных в этих водах может стать нарушением принятых конвенций; 3) необходимую Японии информацию по безопасности в этих водах предполагается запрашивать непосредственно у Соединённых Штатов и их союзников²³. Впрочем, первопричиной японского отказа можно назвать нежелание портить хорошие отношения с Ираном.

С началом пандемии коронавируса в начале 2020 г. Иран оказался в непростой ситуации, так как правительству никак не удавалось взять под контроль заболеваемость в стране. Японское правительство приняло решение оказать экстренную помощь ИРИ, предоставив через международные организации помощь в размере 27,5 млн долл. США на покупку медицинского оборудования, предметов первой необходимости и т.д.²⁴ Уже в июле 2021 г. Токио также поставил три миллиона доз вакцин против COVID-19, произведённых компанией AstraZeneca в Японии²⁵. Заместитель министра иностранных дел ИРИ по политическим вопросам Аббас Аракчи в своём микроблоге в социальной сети Twitter поблагодарил на японском языке Японию и японский народ за оказанную помощь²⁶.

В начале августа 2021 г. новым президентом ИРИ стал ультраконсерватор Ибрахим Раиси. Несмотря на свою жёсткую позицию в отношении США, он высказал намерение добиться ослабления американских санкций. Газета The Japan Times со ссылкой на дипломатические источники писала, что в иранском правительстве даже звучали предложения попросить Японию выступить посредником во второй раз²⁷. Санкции США наносили всё больший ущерб экономике Ирана, и Тегеран возлагал большие надежды на Японию как союзника США, поскольку напрямую с Вашингтоном вести диалог ему было затруднительно.

На фоне этих событий в конце августа 2021 г. с официальным визитом в Тегеран прибыл министр иностранных дел Японии Мотэги Тосимицу. На встрече с Мотэги иранский президент призвал Японию к разморозке иранских средств в японских банках на сумму более 1,5 млрд долл. США, полученных в основном от экспорта нефти и газа. По словам И. Раиси, «учитывая позитивный характер отношений между двумя странами, любая

²³ Information Gathering Activities by the SDF in the Middle East // Ministry of Defense of Japan. https://www.mod.go.jp/en/d_architecture/m_east/index.html (дата обращения: 11.04.2021).

²⁴ Japan's Emergency Assistance to Iran for Prevention of Further Spread of the Novel Coronavirus (COVID-19) Infection in Iran // Embassy of Japan in Iran. <https://www.ir.emb-japan.go.jp/files/100103927.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁵ Government of Japan supports Islamic Republic of Iran with US\$ 6.3 million grant to strengthen national capacity against COVID-19 // World Health Organization. 2021. October 26. <https://www.emro.who.int/iran/news/government-of-japan-supports-islamic-republic-of-iran-with-us-63-million-grant-to-strengthen-national-capacity-against-covid-19.html> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁶ Iran thanks Japan for Covid Vaccines // TEHRAN TIMES. 2021. July 24. <https://www.tehrantimes.com/news/463365/Iran-thanks-Japan-for-Covid-vaccines> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁷ Japan foreign minister planning talks with new Iran president on Sunday // The Japan Times. August 21, 2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/08/21/national/politics-diplomacy/japan-foreign-minister-iran-president/> (дата обращения: 03.08.2021).

задержка в разблокировании средств является необоснованной»²⁸. Японский министр в свою очередь выразил надежду на соблюдение Ираном ядерного соглашения 2015 г.²⁹. Стороны также обсудили ситуацию в Афганистане, который стал важным пунктом переговоров, так как Иран, как предполагалось, поддерживает тесные связи с движением Талибан, захватившим власть в стране 15 августа. Япония подтвердила свою приверженность дипломатическому урегулированию ситуации в Афганистане.

Визит Мотэги означал и определённый сигнал в адрес Пекина, чьё влияние на Ближнем Востоке стремительно росло на фоне резко негативного отношения к результатам политики президента США Д. Трампа. Уместно вспомнить, что ИРИ и КНР заключили в марте 2021 г. соглашение о всестороннем сотрудничестве сроком на 25 лет, которое включает в себя не только укрепление экономических отношений, но и расширение стратегических связей. На этом фоне Токио продемонстрировал, что и он является в регионе желанным партнёром, способным составить Китаю конкуренцию за влияние.

С началом СВО на Украине 24 февраля 2022 г. кабинет Ф. Кисида занял проамериканскую позицию по отношению к России. Антироссийская санкционная кампания, проводившаяся США и их союзниками, подтолкнула Иран, Россию и Китай к взаимному сближению. Как отмечал работающий в Тегеране японский дипломат Суми Дзюнъити, Иран в настоящее время «тяготеет к Востоку» (т.е. к России и Китаю) с целью борьбы с Соединёнными Штатами, которые, как заявлял верховный лидер Ирана в марте 2022 г., «создают на планете кризисную ситуацию»³⁰.

Таким образом, в 2015 г. в политике Японии в отношении Ирана наметился качественный поворот в сторону активизации двусторонних отношений. Однако заключённая в том же году ядерная сделка, равно как и наметившееся «перемирие» Ирана с Америкой, оказались недолговечными. После 2015 г. Япония снова попыталась играть самостоятельную и конструктивную роль в урегулировании ирано-американских противоречий, балансируя между двумя сторонами. Несмотря на видимое отсутствие конкретных результатов этой политики, предпринятые Токио действия положительно отразились на японо-иранских отношениях.

Однако в 2022 г. двусторонние отношения переживали новые испытания, вызванные ростом напряжённости в мире в связи с ситуацией вокруг Украины, когда Япония полностью заняла сторону США и их союзников, а Иран оказался по другую сторону баррикад. Кроме того, ИРИ продолжала находиться под санкционным давлением ввиду отсутствия прогресса в переговорах по новому ядерному соглашению. В результате двусторонние связи вступили в очередной период турбулентности.

²⁸ Iran urges Japan to release billions in blocked funds amid U.S. sanctions // Reuters. August 12, 2022. <https://www.reuters.com/world/iran-urges-japan-release-billions-blocked-funds-amid-us-sanctions-2021-08-22> (дата обращения: 22.08.2021).

²⁹ 日・イラン外相会談 [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 22 августа 2021 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page1_001037.html (дата обращения: 22.08.2021).

³⁰ 米国に対峙するイランが取らざるを得ないウクライナ侵略へのスタンス [В условиях противостояния с США: вынужденная позиция Ирана по ситуации на Украине] // JBpress. 27 апреля 2022 г. <https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/69900> (дата обращения: 27.07.2022).

Заключение

Специфика японо-иранских отношений состоит в том, что Япония стоит перед хронической дилеммой – необходимостью находить оптимальный баланс между США, связи с которыми носят для неё стратегический характер, и ИРИ – важнейшим для Токио с точки зрения энергетической безопасности партнёром.

Отношения между Японией и Ираном в послевоенный период носили стабильный характер, несмотря на радикальные внутривластные развороты в Иране (Исламская революция 1979 г., приход к власти в ИРИ в 2005 г. М. Ахмадинежада и т.д.) и внешнеполитические вызовы, связанные с американо-иранским конфликтом (2002 и 2019 г.) и ядерной программой Ирана. Будучи союзником США, Япония всё это время успешно сохраняла дружеские отношения с ИРИ. Этому способствовали отсутствие в регионе негативной исторической памяти в отношении Японии, выгодно отличавшейся от других западных стран своей непринадлежностью к числу стран-колонизаторов, неполитизированность ближневосточной дипломатии Японии, а также наличие у неё азиатской идентичности. Кроме этого, страны связывал взаимный стратегический интерес: Япония была заинтересована в иранской нефти и расширении своего присутствия в энергетическом секторе Ирана, тогда как Иран нуждался в японских инвестициях и японской технической помощи. Япония также стремилась сдерживать растущее влияние Китая на Ближнем Востоке, в планах которого Иран занимает особое место.

Всё это время Япония строила с Ираном экономические отношения, преимущественно завязанные на проекты энергетического сотрудничества. Проводя политику диверсификации поставок энергоресурсов, Токио был исключительно заинтересован в стабильных поставках иранской нефти (хотя объём иранского импорта нефти не превышал в общем объёме импорта и 5 %). На этом фоне Токио вкладывался в проекты по разработке нефтяных месторождений, и в первую очередь Азадежанского, а также в проект строительства нефтехимического завода IJPC, возможно, самого крупного в денежном выражении японо-иранского экономического проекта.

По сравнению с периодом 2000-х гг., когда Японии приходилось принимать решения на ближневосточном треке в основном под давлением и под влиянием США, с 2015 г. Токио получил существенно бóльшую свободу рук на фоне ослабления ключевых позиций США на Ближнем Востоке и растущего влияния там КНР. События 2019 г. показали, что Япония даже попыталась воспользоваться «особенными», отличными от США, отношениями с ИРИ и сыграть посредническую роль между двумя странами. Токио не поддержал операцию Вашингтона в Ормузском проливе, организовав собственную операцию, напрямую не затрагивающую интересы Ирана, и обозначив тем самым собственные, отличные от США интересы в регионе. Однако общая динамика развития двусторонних связей показывает, что в конечном счёте Японии и Ирану лишь удавалось сохранять статус-кво, а качественных сдвигов в двусторонних отношениях так и не происходило. Несмотря на все новые импульсы к развитию, провозглашённым с обеих сторон инициативам не удавалось реализоваться в полной мере, во многом из-за давления со стороны США. Препятствия (как физические, так и психологические) для этих отношений создавали также конфликтогенный характер самого региона и непредсказуемость ситуации вокруг иранской ядерной программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнян Е.В. Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трёх нефтяных кризисов // Ежегодник Япония. 2008. Т. 37. Москва: Ассоциация японоведов. С. 52–67.
- Богатуров А.Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70-80-е годы). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.
- Добринская О.А. Японо-иранские отношения: проблемы и перспективы // Восточный альманах. 2021. № 5. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. С. 30–39.

REFERENCES

- Arutyunyan, E. (2008). Energeticheskaya diplomatiya Yaponii v stranakh Persidskogo zaliva v kontekste trekh neftyanykh krizisov [Japan's Energy Diplomacy in the Persian Gulf in the Context of the Three Oil Crises]. *Yearbook Japan*, 37, 52–67. (In Russian).
- Bogaturov, A. (1988). *Yaponskaya diplomatiya v bor'be za istochniki energeticheskogo syr'ya (70-80-e gody)* [Japanese Diplomacy in the Struggle for Sources of Energy Raw Materials (70–80s)]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).
- Dobrinskaya, O. (2021). Yaponno-iranskii otnosheniya: problemy i perspektivy [Japan-Iran Relations: Issues and Prospects]. In *Vostochnyi al'manakh* [Oriental Almanac] (pp. 30–39). Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian).
- * * *
- Akaha, T. (1986). Japan's Response to Threats of Shipping Disruptions in Southeast Asia and the Middle East. *Pacific Affairs*, 59 (2), 255–277.
- Enayat, S.E. (1994). *Japan, Iran and the Oil Business: A Case Study of the Iran Japan Petrochemical Company*. University of Stirling.
- Keivan, A. (2018). Energy and Japan-Iran Relations in 1950s: Reassessing the Idemitsu's Oil Deal with Iran. *Chūtō rebyū*, 5, 152–160.
- Miyagi, Y. (2013). *Japan's Middle East Security Policy: Theory and Cases*. Routledge.
- Nukii, M. (2018). Japan–Iran Relations since the 2015 Iran Nuclear Deal. *Contemporary Review of the Middle East*, 5(3), 215–231.
- Penn, M. (2006). Oil and Power: The Rise and Fall of the Japan-Iran Partnership in Azadegan. *Asia-Pacific Journal*, 4 (12).
- Takahashi, K. (2005). The Iran-Japan Petrochemical Project: A Complex Issue. In *Japan and the Contemporary Middle East* (pp. 90–99). Routledge.
- Togo, K. (2005). *Japan's Foreign Policy, 1945–2009*. Leiden, The Netherlands: Brill.
- Yoshitsu, M.M. (1981). Iran and Afghanistan in Japanese Perspective. *Asian Survey*, 21(5), 501–514.

Поступила в редакцию: 07.08.2022
Принята к публикации: 23.11.2022

Received: 7 August 2022
Accepted: 23 November 2022